



УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.86.100>

Женские украшения гунно-сарматского времени Казахстана

© 2023 г. Хасенова Б.М.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, Hunno-Sarmatian time, polychrome style, jewelry

Түйін сөздер: археология, Қазақстан, ғұн-сармат уақыты, полихромдық стиль, әшекей

Ключевые слова: археология, Казахстан, гунно-сарматское время, полихромный стиль, украшения

Bakyt Khassenova¹ 

¹PhD, Leading Researcher, Branch of the Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan. E-mail: alicar@inbox.ru

Women's jewelry of the Hunno-Sarmatian time of Kazakhstan

An interesting source about the culture of the population of any era is the costume, which is archaeologically fixed for the most part with the help of preserved metal parts. In the Hunno-Sarmatian period, various jewelry made of gold, bronze, using stones and paste became widespread in women's costume. Many of these items were decorated in polychrome style. Their classification allows us to obtain more complete information about the formation of costume traditions of the time in question, and the role of jewelry made in polychrome style in social symbolism. These include tiaras, temple pendants, earrings, and rings. They are characterized by certain artistic solutions related to the proclamative nature of the language of art. Ancient craftsmen sought to increase the shape of jewelry by using other materials, grain techniques, large inserts of stones and pastes as a base.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2024, project IRN BR18574175.

For citation: Khassenova, B. 2023. Women's jewelry of the Hunno-Sarmatian time of Kazakhstan. *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 86–100 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.86.100](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.86.100)

Бақыт Мұлдашқызы Хасенова¹

¹философия докторы (PhD), жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының филиалы, Астана қ., Қазақстан

Қазақстанның ғұн-сармат уақытындағы әйелдер әшекейі

Кез келген дәуірдегі тұрғындардың мәдениеті туралы қызықты дереккөз металдан жасалған бөлшектері сақталған киім болып табылады. Ғұн-сармат дәуірінде әйел киімінде тастар мен пастаны пайдаланып алтыннан, қоладан жасалған әртүрлі әшекейлер кең тарады. Бұл заттардың көпшілігі полихромды стильде безендірілген. Олардың классификациясы қарастырылып отырған уақыттың киім дәстүрінің қалыптасуы әлеуметтік символикада,

Бакыт Мұлдашевна Хасенова¹

¹доктор философии (PhD), ведущий научный сотрудник, Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан

Женские украшения гунно-сарматского времени Казахстана

Интересным источником о культуре населения любой эпохи является костюм, археологически фиксируемый в большинстве своём с помощью сохранившихся металлических деталей. В гунно-сарматское время в женском костюме получили распространение различные украшения из золота, бронзы, с использованием камней и пасты. Многие из этих предметов оформлялись в полихромном стиле. Их классификация позволяет получить более полную



полихромдық стильде жасалған әшекейлердің рөлі туралы толық ақпарат алуға мүмкіндік береді. Оларға диадемалар, шекелік салпыншақтар, сырғалар, перстендер жатады. Олар өнер тілінің прокламативтік сипатымен байланысты белгілі бір көркемдік шешімдерін сипаттайды. Ежелгі шеберлер басқа материалдардан түйіршіктеу әдісін пайдалана отырып және тастар мен пастадан қосымша қою арқылы әшекейлердің пішінін үлкейтуге тырысты.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Хасенова Б.М. Қазақстанның ғұн-сарматуақытындағы әйелдер әшекейі. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 86–100-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.86.100](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.86.100)

информацию о формировании костюмных традиций рассматриваемого времени, роли украшений, выполненных в полихромном стиле, в социальной символике. К таковым относятся диадемы, височные подвески, серьги, перстни. Их характеризуют определённые художественные решения, связанные с прокламативным характером языка искусства. Древние мастера стремились увеличить форму украшений путём использования в качестве основы другие материалы, техники зерни, крупных вставок камней и пасты.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574175.

Для цитирования: Хасенова Б.М. Женские украшения гунно-сарматского времени Казахстана. *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 86–100. DOI: [10.52967/akz2023.4.22.86.100](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.86.100)

1 Введение

Характерным явлением культуры любой эпохи выступает костюм, важнейшей основой для реконструкции которого по данным археологических материалов служат изделия из металла. Цель статьи – систематизация данных об аксессуарах женского костюма гунно-сарматского времени Казахстана. Во все периоды этот материал использовался не только для изготовления орудий, предметов быта, но с его помощью демонстрировались символические, эстетические функции предметного мира людей прошлого. Именно в нём нашёл своё воплощение знаменитый полихромный стиль, в формировании которого ярко отобразились исторические события того переломного времени.

В качестве источниковой базы выступили украшения из металла, обнаруженные при изучении памятников гунно-сарматского времени, локализуемых на территории Центрального, Южного и Западного Казахстана. Материалы были получены в результате научных изысканий М.К. Кадырбаева, К.А. Акишева, А.Г. Максимовой, М.Г. Мошковой, Г.А. Кушаева, Б.Ф. Железчикова, М.С. Мерщикова, А.З. Бейсенова, А.А. Бисембаева и др. В выборке представлены данные из 15-ти памятников: Карасу I (1)* (*Здесь и далее в скобках указаны номера, соответствующие расположению на схеме – рис. 1), мог. Сегизсай (Лебедевка) (2), Акбулак III (3), случайная находка у оз. Батыр (4), городища Культобе (5), мог. Коктал (6), мог. Культобе (7), мог. Каратобе (8), мог. городища Коныр-тобе (9), Актобе 2 (10), Енбекшил (11), Канаттас (12), случайная находка из ур. Ерменсай (на р. Каргалы) (13), мог. Каркара (14), Актас I (15), у оз. Батыр (рис. 1).

В подавляющем большинстве они входили в состав погребального комплекса, что представляет значительный интерес для выяснения контекста находок. Классификация осуществлена исходя из места расположения анализируемого украшения. На основании этого выделены группы предметов, которые находились в области головы (диадемы, нашивки на налобные повязки, височные подвески, серьги), груди (подвески, ожерелье, подвески в составе амулетных наборов), рук (перстни). Далее распределение осуществлялось по форме изделий. Эпизодически представлены другие разновидности металлических деталей костюма рассматриваемого времени. В связи со значительным объёмом информации данные о них не использовались.



Рис. 1. Схема расположения памятников на карте Казахстана (1–15 – см. в тексте).
Условные обозначения: *a* – погребения, курган, могильник; *b* – городище; *c* – случайная находка.
Исполнитель: Михаил Антонов

1-сур. Қазақстан картасында ескерткіштердің орналасу схемасы (1–15 – см. мәтінде).
Шартты белгілер: *a* – жерлеу, оба, қорым; *b* – қала; *c* – кездейсоқ табылым.
Орындаушы: Михаил Антонов

Fig. 1. The location scheme of the sites on the map of Kazakhstan (1–15 – see in the text).
Symbols: *a* – burials, burial mound, burial ground; *b* – settlement; *c* – accidental find.
Performer: Mikhail Antonov

2 Классификация и описание украшений из металла гунно-сарматского времени Казахстана

Украшения в области головы Диадемы

Из крупных прямоугольных пластин

1. Состоит из двух широких золотых пластин* (*здесь и далее в определении материала использованы формулировки авторов публикаций) с великолепно выполненным ажурным изображением. Окончания пластин с одной стороны обломаны. Диадема обнаружена при случайных обстоятельствах на р. Каргалы* (*Согласно материалам изысканий, проведенных В.В. Сараевым, А.А. Горячевым и др., которым удалось обнаружить место находки, погребение находилось в урочище Ерменсай) (см.: [Сараев 2021: 83–84; Горячев и др. 2021: 113–114]) [Бернштам 1940: 23]. В растительные побеги вписаны изображения марала, копытных животных, летящих птиц, крылатого тигра, на котором сидит персонаж, покрытый оперением, дракона, на спине которого расположен ещё один персонаж с птичьей символикой, медведя, дракона и т. д. [Бернштам 1940: рис. 2, 2а]. Изображение выпуклое, вписано в массивную рамку, отчётливо просматриваемую сверху и снизу



пластины. Изобразительное пространство мастерски дополнялось вставками сердолика, бирюзы, альмандина округлой или каплевидной формы. Фиксируется ещё один интересный художественный приём, усиливающий ощущение глубины: растительные побеги по внешнему контуру имеют небольшую углубленную полосу, покрытую частой штриховкой, выполненной под наклоном.

Необходимо отметить, что А.Н. Бернштам назвал обнаруженный комплекс «магическим апотропеем богатого кочевника», «погребением шамана», в последующих многочисленных публикациях оно обозначается женским, тем не менее, вполне обоснованно А.А. Горячев и соавторы совместной статьи, посвященной результатам современных его исследований, используют обтекаемое «умерший(ая)» [Бернштам 1940: 28, 29; Горячев и др. 2021: 113]. Но, учитывая, что диадемы являются в подавляющем большинстве частью женского костюма [Засецкая 1994: 58], возможно предположить, что погребение из урочища Ерменсай было женским. Датируется I–II вв. н.э. [Бернштам 1940: 31].

2. Состоит из одной широкой пластины (возможно, представляет собой часть украшения, так как погребение подверглось ограблению, первоначально оно могло состоять из двух пластин). Обнаружена в погребении северной насыпи кургана с «усами» мог. Коктал. В публикации не были указаны условия обнаружения находки. На поверхности золотой пластины в высоком касте крепились камни различной формы с выпуклой и плоской поверхностью – представлены альмандины (5 экз.), пироп (2 экз.), халцедон (1 экз.), топаз (1 экз.)* (*Определение произведено в шлиховой лаборатории Института геологии АН КазССР [Кадырбаев 1969: 92]). Имеются овальные, округлые ячейки. Интерес представляют две крупные ячейки в форме сердца на короткой «ножке». Касты расположены двумя неровными рядами. По краю пластины – широкая полоска ложного шнурового орнамента. Изделие отличается небрежностью в исполнении, касты имеют неровные края, боковые стороны их смяты. Находка датируется IV–V вв. н.э. [Кадырбаев 1969: 93].

3. Состоит из двух широких пластин разной длины (рис. 2). Лежала на лобных костях женщины в погребении кургана № 19 мог. Канаттас (IV–V вв. н.э.) [Кадырбаев 1959: 181–182; 197]. Каждая из частей выполнена из бронзовой пластины, на которую сверху крепился золотой лист. Вставки сделаны из камней – разнообразностей граната



Рис. 2. Мог. Канаттас, курган № 19.
Деталь диадемы (по: [Наследие ... 2018: 374])

2-сур. Қанаттас қорымы, № 19 оба.
Диадема деталі ([Наследие ... 2018: 374] бойынша)

Fig. 2. Kanattas burial ground, mound No. 19.
Detail of a diadem, after – Nasledie ... 2018: 374



и янтаря* (*Определение выполнено геологом М.К. Януловой [Кадырбаев 1959: 193]) [Кадырбаев 1959: 193]. По углам каждой бляхи пробито по округлому отверстию, причём, по данным М.К. Кадырбаева, в некоторых случаях они были выполнены небрежно, в результате чего повреждён рисунок. Также короткая пластина имеет среды ремонта, её обломанный край оформлен путём загибания золотого листа, также здесь дополнительно были проделаны два отверстия для дальнейшего крепления [Кадырбаев 1959: 195].

Из нашивок прямоугольной формы

Выполнены из тонкой золотой пластины прямоугольной формы с закруглёнными углами (рис. 3) (5 экз.) [Онгар и др. 2014: рис. 30–31]. Сверху и снизу имеются небольшие загибы. По



Рис. 3. Карқара, объект № 21. Нашивки (по: [Онгар и др. 2014: рис. 31])

3-сур. Қарқара, № 21 нысан. Жапсырмалар ([Онгар и др. 2014: рис. 31] бойынша)

Fig. 3. Karkara, object No. 21. Stripes, after – Onggar et al. 2014: fig. 31

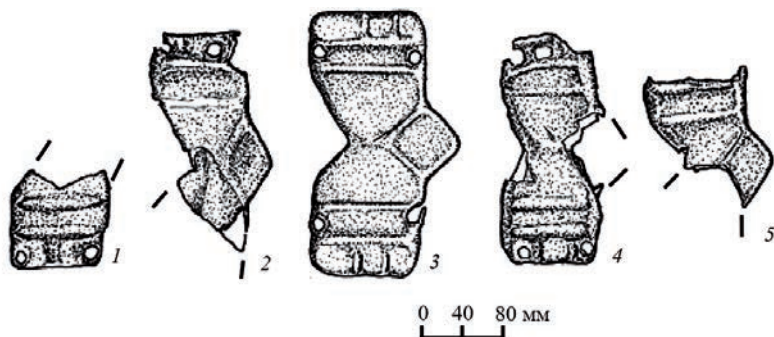


Рис. 4. Карқара, объект № 13. Нашивки (по: [Онгар и др. 2014: рис. 23, 1])

4-сур. Қарқара, № 13 нысан. Жапсырмалар ([Онгар и др. 2014: рис. 23, 1] бойынша)

Fig. 4. Karkara, object No. 13. Stripes, after – Onggar et al. 2014: fig. 23, 1

углам сделаны небольшие округлые отверстия для крепления. Лицевая поверхность украшена тремя полосками горизонтального зигзага. По обе стороны от них расположен ряд из квадратных и округлых выпуклостей, имитирующих, судя по всему, зёрнь. Представляют собой металлические детали головной повязки, выполненной из ткани и кожи. Находились вплотную друг к другу в области затылка, образуя полоску длиной 11 см [Онгар и др. 2014: 45]. Данные по полу погребённого человека из объекта № 21 комплекса Карқара отсутствуют. Погребение относится ко II–I вв. до н.э. – II в. н.э. [Онгар и др. 2014: 50].

Из нашивок бабочковидной формы

Выпуклые, в виде широкой галочки с прямоугольными лопастями, расположенными под углом 90° по отношению к центральной части (рис. 4) (5 экз.). [Онгар и др. 2014: рис. 23, 1]. Золотые. Обнаружены в области лобной кости черепа. Орнаментальная композиция центральной части образована двумя равнобедренными треугольниками, соприкасающимися вершинами, и ромбом, соединённым с ними своими боковыми сторонами. На поверхности лопастей – две вертикальные неглубокие линии. В про-



странстве между внешней линией и краем изделия имеются короткие поперечные линии, делящие это пространство на три равные части. На лопастях по краям имеется по одному отверстию. Края загнуты внутрь. С обратной стороны сохранились участки кожи [Онгар и др. 2014: 41]. Погребение объекта № 13 комплекса Каркара датируется II–I вв. до н.э. – II в. н.э. [Онгар и др. 2014: 50].

Из нашивок зигзагообразной формы

Выполнены из бронзовой пластины, поверх которой крепились золотая (11 экз. целых, 5 фр.) [Онгар и др. 2014: рис. 26; 27, 1]. Находились в области затылка умершего человека. Предметы выполнены в виде полосок зигзага, с выпуклой поверхностью. С закруглёнными окончаниями, которые выделены размещёнными под наклоном желобками. Видимо, изделия нашивались на тканевую поверхность, и под ними проходила нитка. Отверстия отсутствуют. Судя по расположению некоторых нашивок, можно предположить, что они крепились вплотную друг к другу и соединялись углами, образуя сплошную подвижную полосу на поверхности головного убора или повязки. Около нижней челюсти также лежали мелкие округлые бусины чёрного цвета (55 экз. целых, 4 фр.) [Онгар и др. 2014: 42]. Данные по полу погребённого человека из объекта № 15 комплекса Каркара отсутствуют, судя по наличию в составе погребального инвентаря пряслица, можно предположить, что это было женское погребение, которое датируется II–I вв. до н.э. – II в. н.э. [Онгар и др. 2014: 50]. Следует отметить, что такая форма, используемая при оформлении данных нашивок, аналогична бляшкам, украшавшим поверхность пояса из погребения 8 мог. городища Коныр-тобе, только здесь они были выполнены из бронзы [Байпаков и др. 2005: рис. 1.8].

Из нашивок округлой формы

Полусферические, с небольшим ровным бортиком по краю [Акишев 1983: 203]. Выполнены из золота. Были нашиты в два ряда вплотную друг к другу на узкую и длинную ленту холста, обтянутую шелковой тканью. Случайная находка у оз. Батыр датируется III в. н.э. [Засецкая 1994: 59].

Серьги

Округлая

Выполнена из золота, с медной дужкой. К нижней части округлой плоской пластины крепятся семь полых золотых шариков, образующими гроздь, между ними находятся более мелкие шарики зерни. На лицевой поверхности расположено два небольших продолговатых выступа. Дужка сделана из округлого в сечении прута. Серьга лежала вместе с двумя бронзовыми кольцами, назначение которых не известно, завернутой в ткань, и была зарыта под полом в проходе между помещениями городища Актобе 2. Памятник датируется I–IV вв. н.э. [Максимова и др. 1968: 68, рис. 29, 24].

Калачиковидная

1. Выполнены из чёрной мастики (?), обтянутой золотой фольгой (6 экз., пять из них обнаружены в составе тайника, расположенного в стене двора помещения № 49 городища Культобе) (рис. 5) [Смагулов, Ержигитова 2019: 11–12]. Поверхность украшений покрыта вставками камней, закреплённых в овальных, каплевидных или округлых кастах. Они выполнены из узкой золотой пластины. В качестве вставок использована витрофильная яшма* (*Определение художника-ювелира И. Сулейменова [Смагулов, Ержигитова 2019: 12]). После утраты некоторых из них была использована стеклянная паста аналогичного цвета [Смагулов, Ержигитова 2019: 12]. Вставки расположены на небольшом расстоянии друг от друга и сплошь покрывают поверхность изделий. Причём есть экземпляр, где по центру одной из сторон размещён только один каст, и несколько, где их насчитыв-



вается пять. Дужки не сохранились. В верхней части с обеих сторон оформлены неширокие валики – прямые или рифлёные [Смагулов, Ержигитова 2019: рис. 8; 14, 1]. Комплекс украшений, в состав которого входили пять серег, по мнению авторов, определяется как подношение/жертвоприношение и датируется II–III вв. н.э. [Смагулов, Ержигитова 2019: 12].

Практически аналогичные украшения были обнаружены в катакомбе 1 мог. Культобе, а также в кургане № 2 мог. Сегизсай (Лебедевка). В первом случае, две серьги лежали по обеим сторонам черепа в женском погребении, которое датируется II–III вв. н.э. [Подушкин 2014: 139, 141]. В качестве основы этих изделий, по данным А.Н. Подушкина, использовалась смола, на которую сверху крепилось золото. На поверхности насчитывается 15 вставок камня красного цвета округлой или овальной формы. На лицевой поверхности, как сообщает автор раскопок, крепились камни лучшего качества [Подушкин 2014: 139]. Касты невысокие, выполнены из тонкой полоски. В отличие от предыдущего комплекта украшений, в данном случае сохранились дужки. Они выполнены из округлого в сечении прута. В месте их соединения с основной частью имеются объёмные валики с рифлёной поверхностью [Подушкин 2014: рис. 2, 2]. Во втором случае обе серьги находились в женском погребении с богатейшим составом сопровождающих его вещей. Были обнаружены с правой стороны от черепа. Изделия украшались округлыми и овальными вставками стекла зеленоватого и светлого цвета и какого-то тёмного материала неизвестного происхождения. Вставки крепились в касты, выполненные из тонкой полоски металла. Сверху по обеим сторонам украшений расположены неширокие валики с рифлением [Мошкова 2009: рис. 2, 2]. Погребение относится к сер. III в. н.э. [Мошкова 2009: 112].

2. Бронзовые, со стеклянными вставками (2 экз.). Находились в области черепа. Объект 27, мог. Акбулак III. Погребение датируется III–IV вв. н.э. [Бисембаев и др. 2018: 238]. Другой информации в публикации не содержится.

Квадратная

Золотые, с использованием камней (2 экз.). Центральные, формообразующие элементы – в виде квадрата и каплевидной формы, выполнены из тонких пластин, украшенных по центру вставками крупного камня вишнёвого цвета, повторяющих их очертания. Пластины соединены между собой шарнирным способом. Штырёк украшен с обеих сторон округлыми жемчужинами. Сверху изделие имеет округлую петлю. От каплевидных пластин направлено вниз по две подвески, выполненные из обмотанной плотной спиралью проволоки, на окончании которой размещены три округлые бусины: из коралла, жемчуга и золота. При этом, золотая бусина украшена небольшими пластинками листовидной формы, прикреплённых на округлых петлях. Серьги датируются III в. н.э. (случайная находка у оз. Батыр) [Акишев 1983: 202].

Зооантропоморфная

Выполнена в виде объёмной фигуры мыши* (*в определении принадлежности животного придерживаюсь формулировки А.Н. Бернштама), которая держит в пасти сидящего человека. Золотая, со вставками бирюзы и чёрного камня (?). Массивная дужка из округлого в сечении прута является в то же время хвостом животного. Тело каплевидной формы, сплошь покрыто вставками камня различной формы, из них наиболее крупная, прямоугольной формы, расположена на спине. Показаны крупные глаза, плотно прижатые к голове уши. Морда удлинённая, треугольной формы. Фигура человека показана схематично. Воспроизведены массивная голова с крупными чертами лица, короткие тело и ноги. Фигура украшена вставками камня различной формы. Интересно показана причёска – в виде каста удлинённой формы, окаймляющей голову сверху и сзади. В каст



Рис. 5. Городище Култобе. Серьги (по: [Смагулов, Ержигитова 2019: рис. 8]
 5-сур. Күлтөбе қаласы. Сырғалар ([Смагулов, Ержигитова 2019: рис. 8] бойынша)
 Fig. 5. Kultobe settlement. Earrings, after – Smagulov, Erjigitova 2019: fig. 8

вставлен камень (?) чёрного цвета. Серьга найдена в погребении из урочища Ерменсай, датируется I–II вв. н.э. [Бернштам 1940: 31].

Височные подвески

Выполнены в форме удлинённого овала с приподнятыми краями (2 экз.) (рис. 3). Украшения изготовлены из золота, с использованием камней. Каждое из них состоит из двух пластин, вставленных друг в друга. Нижняя пластина имеет невысокие бортики, в которые вставлена верхняя, край которой окаймлён шариками зерни. Декоративная композиция размещена в пределах фигуры, повторяющей форму изделий. Её очертания показаны с помощью поясков зерни. При этом между ними размещена узкая полоска с гладкой поверхностью. Центральную часть композиции представляют вставки пяти камней разных размеров. В центре одной подвески размещён прямоугольный камень с ровной поверхностью, по обе стороны от него крепятся камни округлой и овальной формы с выпуклой поверхностью. Для верхнего ряда использованы вставки наименьшего размера. При украшении второй подвески задействованы следующие камни: в центре – округлый плоский, выше – сердцевидной формы, плоский и выпуклый, по краям – небольшие округлые выпуклые разного размера. Камни вставлены в невысокие касты, основания которых окаймлены зернью. В пространстве между камнями сверху и снизу расположены маленькие равнобедренные треугольники зерни. В верхней части изделий по бокам имеются округлые петли. Вся выпуклая часть фигур окаймлена крупными цилиндрическими трубочками с рифлением, оканчивающимися пирамидками зерни. Также кро-



Рис. 6. Мог. Актас 1, погребение № 28.
Височные подвески (по: [Наследие... 2018: 368])
6-сур. Ақтас 1 қорымы, № 28 жерлеу.
Шекелік салпыншақтар ([Наследие... 2018: 368] бойынша)
Fig. 6. Aktas 1 burial ground, burial No. 28.
Temple pendants, after – Nasledie... 2018: 368

шечные пирамидки зерни украшают внутреннюю сторону овала, расположены в верхней части предметов, в пространстве между петлями.

Височные подвески из погребения № 28 мог. Актас 1 впервые были опубликованы в каталоге «Древнее золото Казахстана» [Акишев 1983: 180–181]. Материалы погребения, дублирующие археологический отчет, увидели свет в 2011 г. Одно украшение лежало под черепом с правой стороны, второе – под подбородком [Акишев, Свиридов 2011: 187]. Исходя из состава погребального инвентаря, можно сделать вывод, что это женское погребение.

По мнению И.П. Засецкой, они являлись височными подвесками и крепились на длинных петлях на уровне висков по обеим сторонам головы [Засецкая 1994: 59]. Украшения из Актас 1 датируются III–V вв. н.э.

Украшения в области груди Подвески

Овальной формы

Пластина украшена по центру вставкой крупного камня с выпуклой верхней частью (курган № 2, мог. Енбекшил) [Бейсенов, Веселовская 2013: рис. 3, 1]. Бронза, камень. Каст невысокий, немного сужается сверху, плотно обхватывая камень. Основание каста окаймлено пояском из зерни, ещё один украшает край изделия. Сверху к пластине крепится небольшая округлая петелька. Подвеска обнаружена в погребении женщины 20–25 лет, датируемом IV–V вв. н.э. [Бейсенов, Веселовская 2013: 450, 453].

Округлой формы

Небольшого размера, уплощённые, украшены вставками граната и пасты синего цвета (22 экз.). Вставки размещены в невысоком касте из тонкой проволоки. Пространство вокруг вставок полностью покрывает два ряда зерни. В верхней части имеется крупная округлая петля, размещённая на шаровидном выступе, в нижней – гроздь из четырёх шариков зерни [Фотографии... 1975: фото 2]. Данные подвески являлись частью ожерелья, в которое также входила крупная бусина из граната в виде удлинённого сердца. Ожерелье лежало возле котла, расчищенного в северной половине насыпи кургана № 7 мог. Карасу I. По мнению авторов раскопок, украшение являлось даром погребённому и использовалось в процессе совершения обряда, частью которого также было погребение женщины, совершённое в юго-западной части насыпи [Кушаев, Железчиков 1975: 9–10]. Датировка – III в. до н.э. – II в. н.э. [Кушаев, Железчиков 1975: 5].



Цилиндрической формы

Торцевые стороны украшены вставками уплощённого камня с выпуклой поверхностью (рис. 7). Подвеска украшена вставками тёмно-красного рубина округлой или прямоугольной формы с неровными очертаниями. По обеим сторонам от прямоугольного камня находится по небольшому треугольнику из трёх шариков зерни. Вставки расположены в кастах из невысокой тонкой пластинки, основание которых украшено полоской зерни. В верхней части украшения прикреплены крупные округлые петли с рифлением. В их основании нанесены два шарика зерни. Имеется ещё один декоративный элемент – бортик, расположенный по обеим сторонам цилиндра, с волнистыми краями [Мошкова 2009: рис. 2, 1а; Наследие... 2018: 354]. Ещё одна подвеска отличается меньшим размером, отсутствием камней на торцевых сторонах и вставки прямоугольной формы на поверхности. Использованы аналогичные камни округлой формы, в одном случае, видимо, из-за небольшой высоты камня, каст приобрел форму пятиугольника. В отличие от предыдущего украшения, по обеим сторонам цилиндра выполнены полоски зерни с заглаженной верхней поверхностью. Касты на поверхности обоих украшений имеют неровные, рваные края, полоски зерни в их основании не образуют правильных геометрических фигур. Отчётливо просматриваются места соединения окончаний пластин, используемых для кастов [Мошкова 2009: рис. 2, 1б; Наследие... 2018: 354]. Обе подвески находились в области груди под нижней челюстью. Женское погребение кургана № 2 мог. Сегизсай (Лебедевка) датируется сер. III в. н.э. [Мошкова 2009: 112].



Рис. 7. Мог. Сегизсай (Лебедевка), курган № 2. Подвески (по: [Наследие ... 2018: 354])
7-сур. Сегізсай (Лебедевка) қорымы, № 2 оба. Салпыншақтар ([Наследие ... 2018: 354] бойынша)
Fig. 7. Segizsay (Lebedevka) burial ground, mound No. 2. Pendants, after – Nasledie ... 2018: 354

В виде фигурок животных

В виде фигурки птицы (курган № 3, мог. Каратобе). Бронзовая. Представляет собой объёмную фигуру, размещённую в профиль. Фиксируются крупная голова каплевидной формы, удлинённое туловище, узкий, прямоугольный хвост. Показано небольшое крыло каплевидной формы, покрытое продольными линиями. Птица размещена на небольшом стержне, округлом в сечении. Подвеска крепилась с помощью петли, с округлым в сечении отверстием. Обнаружена в области грудной клетки вместе с крупными бусинами [Подушкин 2000: 58].

В виде фигурки козлика. Бронзовые. Представляют собой объёмную фигуру в профиль, выполненную схематично. Показаны маленькая треугольная голова с крупным рогом, оттянутым на-



зад, узкое тело, короткие прямые ноги. Были обнаружены в погребениях № 40, 42, 47, 99 мог. городища Коныр-тобе и входили в состав т. н. амулетных наборов [Байпаков и др. 2005: 43, рис. 1.38].

Таким образом, к числу основных женских украшений в погребениях гунно-сарматского времени, обнаруженных на территории Казахстана, относятся диадемы, различные подвески, составляющие ожерелье или амулетные наборы, серьги. Эпизодически встречаются также другие украшения. Речь идёт о железном браслете из кургана № 28 мог. Актас 1 [Акишев, Свиридов 2011: 186], бронзовых – из погребения № 47 мог. городища Коныр-тобе [Байпаков и др. 2005: 63], бронзовых колокольчиках из объекта 27 мог. Акбулак III, лежащих в области локтя правой руки [Бисембаев и др. 2018: 239], из погребений № 56, 43 мог. городища Коныр-тобе [Байпаков и др. 2005: 43], бронзовых цепочках из погребений № 28, 38 мог. городища Коныр-тобе, бронзовых шпильках оттуда же [Байпаков и др. 2005: 63, 50] и т. д. К числу таких единичных украшений, определяемых в качестве женских, относятся и великолепные украшения, выполненные в полихромном стиле, – это перстни из погребения в урочище Ерменсай, на щитке которых воспроизведены объёмные фигуры верблюдов, гривна с наконечником в виде головы дракона из погребения у оз. Батыр [Бернштам 1940: 23; Акишев 1983: 186–187].

3 Обсуждение

Основная масса украшений относится к последним векам гунно-сарматского времени. В этом плане они представляют интерес для характеристики костюмных традиций более узкого хронологического периода. Исключение составляют золотые нашивки от налобных лент, которые происходят из погребений рубежа тысячелетий.

Как показывает анализ и условия обнаружения деталей костюма, в рассматриваемую эпоху продолжает существовать традиция обозначения головного убора как важнейшего признака принадлежности к женскому миру. Исходя из приведённого анализа, отчётливо проявляется социальная составляющая в оформлении этих предметов. Золото продолжает играть важную роль в демонстрации статуса своих владельцев. Отчётливо выделяется группа погребений с богатыми головными уборами, выполненными из золота, с включением различных камней, которые являются шедеврами ювелирного искусства прошлого. Особую группу представляют женские погребения с минимумом инвентаря и мелкими нашивками, но выполненными из тонких пластинок золота, которыми украшались головные уборы или налобные ленты. Статусные вещи повторялись в пределах сложившейся культурной традиции в другом материале или форме.

Следует обратить внимание на использование других материалов, например, бронзы, в изготовлении предметов в стилистике полихромного стиля, как, например, серьги из погребения объекта 27 мог. Акбулак III, подвеска из погребения кургана № 2 мог. Енбекшил [Бисембаев и др. 2018: 238; Бейсенов, Веселовская 2013: рис. 3, 1].

Полихромность представлена в оформлении таких украшений, как диадемы, колты, серьги, подвески. Гривны, подвески встречаются в оформлении как мужского, так и женского костюма. Возможно, подвеска на массивной золотой цепи из мужского погребения городища Кызыл-Кайнар-тобе первоначально представляла собой височное украшение, но впоследствии была использована уже в том виде, каком она сохранилась в археологическом контексте.

4 Результаты

Обращает внимание, что практически все рассмотренные украшения являются единичными, они не образуют более представительных комплектов, нередко становятся даже единственными из



числа предметов костюма в составе погребального комплекса. То же самое можно сказать о мужском костюме. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам с территории Казахстана, из металлических предметов к нему относятся серьги, височная подвеска, нагрудная подвеска, гривна, фибула [Бернштам 1951: рис. 96; Максимова и др. 1968: рис. 32, 13; Мершиев 1970: рис. 7, 3; Арсланова 2013: табл. I, 11–12, 14; Бисембаев и др. 2018: рис. 2]. В свою очередь, привлекают внимание находки богатейших комплексов воинского и конского снаряжения, где представлены многочисленные предметы из золота и камней, выполненные в традициях полихромного стиля [Бернштам 1951; Бисембаев и др. 2018; Бейсенов и др. 2018]. На основании этого можно предположить, скорее, высокую материальную, нежели социальную значимость предметов украшений в рассматриваемый хронологический период. Наиболее богатые комплекты были обнаружены в погребении из урочища Ерменсай, здесь он состоял из диадемы, двух перстней, серьги, пластины, бубенчиков и различных бляшек, а также в элитарном женском погребении кургана № 2 мог. Сегизсай (Лебедевка), в данном случае представлены серьги, подвески, различные нашивки, разнообразные бусы, фибула [Бернштам 1940; Мошкова 2009]. Богатые женские погребения могут выступать ценным источником по политической истории населения гунно-сарматского времени, как это было убедительно показано по материалам из Причерноморья [Засецкая и др. 2007; Казанский, Мاستыкова 2014]. В частности, значительный интерес представляют женские погребения с территории Западного Казахстана с предметами импорта в составе инвентаря.

Следует отметить определённую унификацию в использовании полихромного стиля, с его помощью оформлялись только отдельные украшения – это диадемы, височные подвески/серьги, подвески и перстень. Все эти украшения демонстрируют схожие принципы оформления. В первую очередь, их поверхность декорирована с помощью вставок камня, по-преимуществу тёмно-красного цвета или реже пасты, также, в ряде случаев, геометрических фигур из шариков и/или полосок зерни. Исключение составляет перстень из погребения в урочище Ерменсай, в котором полихромность отобразилась только во вставках камня.

Как мужские, так и женские украшения гунно-сарматского времени демонстрируют стремление к крупным формам, которые, при этом, являются бутафорией: центральная часть изделий делалась плоской, не имеющей объёма, который, в свою очередь, приобретался в результате добавления таких декоративных деталей, как геометрические фигуры из шариков зерни на поверхности, крепление по краю пирамидок зерни. Также необходимо отметить, что при изготовлении крупных вещей использовалась основа из бронзы, которая покрывалась сверху золотой пластиной, внутри некоторых полых изнутри украшений находилась мастика (?).

5 Заключение

Женские украшения гунно-сарматского времени представляют собой разнообразный источник, более полное изучение которого необходимо продолжать в дальнейшем. В рамках статьи был представлен опыт первичной классификации украшений из металла, не претендующий на полноту изложения. Интерес представляют: исследование художественных особенностей металлических деталей костюма рассматриваемого времени, археологический контекст, символика, социокультурная интерпретация. Рассмотренные украшения, в большинстве своём, маркируют область головы. Их объединяют определённые декоративные элементы, такие как использование зерни, вставок камня. В выборе формы предметов и их оформления превалирует геометричность. Все эти элементы являются признаками полихромного стиля, получившего своё блестящее воплощение в изготовлении диадем, височных подвесок, серёг, подвесок, рассмотренных в данной статье.



ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Өнер, 1983. 264 с.
- 2 Акишев К.А., Свиридов А.Н. Кургan № 28 могильника Актас 1 // Маргулановские чтения-2011: м-лы междунар. научн.-практ. конф. (Астана, 20–22 апреля 2011 г.) / Гл. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 185-190.
- 3 Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: ФИА, 2013. С. 244-250.
- 4 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Изд-во BAUR, 2005. 224 с.
- 5 Бейсенов А.З., Веселовская Е.В. Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. научн. тр. / Гл. ред. С.Г. Боталов, отв. ред.: Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 446-461.
- 6 Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай А.И., Ахияров И.К. Кургan с «усами» Атасу-2 // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 103-117.
- 7 Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23-31.
- 8 Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1951. Т. XIII. С. 216-229.
- 9 Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А. Исследование памятников гуннского времени в Актюбинской области в 2018 г. (предварительное сообщение) // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 235-244.
- 10 Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А., Чернов М.А. Новые материалы древнего археологического комплекса Каргалинского историко-географического микрорайона // Археология Казахстана. 2021. № 2 (12). С. 87-119.
- 11 Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.
- 12 Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
- 13 Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 162-203.
- 14 Кадырбаев М.К. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбульской области // Вестник АН КазССР. 1969. № 7. С. 89-97.
- 15 Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в Понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские» чтения по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: м-лы междунар. археол. конф. (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.) / Под ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.А. Улитина. Краснодар: КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына, 2014. С. 97-108.
- 16 Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Отчет об археологических раскопках Уральского пединститута в 1975 г. // Научный архив ИА КН МНВО РК. Д. 1467.
- 17 Максимова А.Г., Мерицев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968. 265 с.
- 18 Мерицев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV вв. и захоронение на нем воина IV–V вв. // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79-92.
- 19 Мошкова М.Г. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г.И. Багрикова) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. М.Г. Мошкова. СПб.: факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 99-113.
- 20 Наследие Великой степи. Шедевры ювелирного искусства: каталог выставки. Т. V / Под ред. А. Онгар. Астана: Национальный музей РК, 2018. 476 с.



- 21 Онгар А., Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожасметов Б. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Всадники Великой степи. Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана Т. IV. Астана: ФИА, 2014. С. 29-57.
- 22 Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана (IV в. до н.э. – VI в. н.э.). Туркестан: Изд. центр МКТУ им. Х.А. Яссауи, 2000. 202 с.
- 23 Подушкин А.Н. Раскопки катакомбы I восточной группы насыпей могильника Культобе в 2013 г. // Кадырбаевские чтения-2014: м-лы IV междунар. научн. конф. / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана; Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2014. С. 138-144.
- 24 Сараев В.В. Каргалинская диадема под флером Юрия Домбровского // Археология Казахстана. 2021. № 2 (12). С. 61-86.
- 25 Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Золото древнего Туркестана (предварительное сообщение) // Археология Казахстана. 2019. № 4 (6). С. 7-18.
- 26 Фотографии находок из раскопок могильника Карасу I (№ 1–80) за 1975 г. // Научный архив ИА КН МНВО РК. Д. 1471.

REFERENCES

- 1 Akishev, K. A. 1983. *Drevnee zoloto Kazakhstana (Ancient gold of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Oner” Publ. (in Russian).
- 2 Akishev, K. A., Sviridov, A. N. 2011. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2011: (Margulan readings-2011)*. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 185-190 (in Russian).
- 3 Arslanova, F. Kh. 2013. In: *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verhnego Priirtyshya (Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh region)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 244-250 (in Russian).
- 4 Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A. 2005. *Rannesrednevekovye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana (Early medieval necropolises of Southern Kazakhstan)*. Almaty: “BAUR” Publ. (in Russian).
- 5 Beisenov, A. Z., Veselovskaya, E. V. 2013. In: Botalov, S. G., Kradin, N. N., Lyubchanskiy, I. E. (eds.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kultury evraziyskikh gunnov (Hun forum. Problems of the origin and identification of the culture of the Eurasian Huns)*. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
- 6 Beisenov, A. Z., Torgoev, A. I., Duysenbay, A. I., Akhiyarov, I. K. 2018. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 3 (25), 103-117 (in Russian).
- 7 Bernshtam, A. N. 1940. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief communications from the Institute for the History of Material Culture)*, 5, 23-31 (in Russian).
- 8 Bernshtam, A. N. 1951. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography)*, XIII, 216-229 (in Russian).
- 9 Bissembaev, A. A., Khavanskiy, A. I., Duysengali, M. N., Mamedov, A. M., Bairov, N. M., Amelin, V. A. 2018. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1-2, 235-244 (in Russian).
- 10 Goryachev, A. A., Saraev, V. V., Egorova, T. A., Chernov, M. A. 2021. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (12), 87-119 (in Russian).
- 11 Zasetskaya, I. P. 1994. *Kultura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epohu (konets IV–V vv.) (Culture of nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic era (end of the 4th–5th centuries)*. Saint Petersburg: “Ellipse” Publ. (in Russian).
- 12 Zasetskaya, I. P., Kazanskiy, M. M., Akhmedov, I. R., Minasyan, R. S. 2007. *Morskoy Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazoviya i ih mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomoriya v postgunnskuyu epohu (Morskoy Chulek: Burials of the nobility from the Azov region and their place in the history of the tribes of the Northern Black Sea region in the post-Hunnic era)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).
- 13 Kadyrbayev, M. K. 1959. In: *Trudy Instituta Istorii Arheologii i Etnologii Akademii Nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the KazSSR Academy of Sciences)*, 7, 162-203 (in Russian).
- 14 Kadyrbayev, M. K. In: *Vestnik Akademii Nauk KazSSR (Bulletin of the KazSSR Academy of Sciences)*, 7, 89-97 (in Russian).



- 15 Kazanskiy, M. M., Mastykova, A. V. 2014. In: Pavlenko, T. A., Skhatum, R. B., Ulitina, V. A. (eds.). IV «Anfimovskie» chteniya po arheologii Zapadnogo Kavkaza (4th “Anfimov” readings on the archaeology of the Western Caucasus). Krasnodar: E. D. Felitsyn Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, 97-108 (in Russian).
- 16 Kushaev, G. A., Zhelezchikov, B. F. 1975. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology*. D. 1467 (in Russian).
- 17 Maksimova, A. G., Mershchiev, M. S., Vainberg, B. I., Levina, L. M. 1968. *Drevnosti Chardary (arheologicheskie issledovaniya v zone Chardarinskogo vodohranilishcha) (Antiquities of Chardara (archaeological research in the area of the Chardara reservoir))*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 18 Mershchiev, M. S. 1970. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnih kultur Kazakhstana (In the footsteps of ancient cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 79-92 (in Russian).
- 19 Moshkova, M. G. 2009. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezdu Volgoy i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and Danube)*. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University, 99-113 (in Russian).
- 20 Onggar, A. (ed.). 2018. *Nasledie Velikoy stepi. Shedevry yuvelirnogo iskusstva: katalog vystavki (Heritage of the Great Steppe. Masterpieces of Jewelry Art: Exhibition Catalog)*. Astana: National Museum of the RK (in Kazakh, Russian, English).
- 21 Onggar, A., Kiyasbek, G., Khassenova, B., Besetaev, B., Kozhahmetov, B. 2014. In: Onggar, A. (ed.). *Vsadniki Velikoy stepi) (Cavaliers of the Great Steppe)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 29-57 (in Russian).
- 22 Podushkin, A. N. 2000. *Arysskaya kultura Yuzhnogo Kazakhstana (IV v. do n.e. – VI v. n.e.) (Arys culture of Southern Kazakhstan (4th century BC – 6th century AD))*. Turkestan: Yassawi International Kazakh-Turkish University (in Russian).
- 23 Podushkin, A. N. 2014. In: Bisembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbaevskie chteniya–2014 (Kadyrbayev readings–2014)*. Astana; Aktobe: Aktobe Regional Museum of History and Local Lore, 138-144 (in Russian).
- 24 Saraev, V. V. 2021. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (12), 61-86 (in Russian).
- 25 Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A. 2019. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (6), 7-18 (in Russian).
- 26 Photography ... 1975. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology*. D. 1471 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.09.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.10.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.10.2023.

